

Пылкий роман с подтекстом

«Что же ты, голубчик, невесело поешь?» — спрашивал его Вяземский. «...жду, чтоб Некто повернул сверху кран...», — отвечал ему из Михайловского Пушкин, — у нас холодно и грязно — жду разрешения моей участи. Не в первый раз мучительное желание Пушкина выехать за границу встречало непонимание близких людей. В очередной неудаче, в провале плана, казалось, столь простого и подошедшего к осуществлению, Пушкин обвиняет прежде всего родных и друзей, в руках которых была его судьба. В первую голову виноват был брат Левушка. Если раньше Пушкин писал в стихотворении, что тот самоотверженно «забыл для брата о себе» (чего никогда не бывало, но хотелось, чтобы было), то теперь Лев осложняет поэту жизнь: «Он знал мои обстоятельства и самовольно затрудняет их. У меня нет ни копейки денег в минуту нужную, я не знаю, когда и как получу их».

У Льва Сергеевича была отличная память, он помнил даже то, что лучше бы забыть при его невожатности на язык. Он выполнял второстепенные просьбы брата, а жизненно важные оттягивал. Выучив наизусть поэму «Цыганы», читал ее в салонах. Он охотно отвечал на многочисленные вопросы слушателей, болтая лишнее. К.С.Сербинович, чиновник особых поручений при министре народного просвещения, записал в своем дневнике, что Лев давал ему почитать письма Александра. И не ему одному. Пушкин словно чувствовал это, когда приказывал брату, чтобы Вяземский вторую главу «Онегина» «никому не показывал, да и сам (то есть ты, Лев. — Ю.Д.) не пакости».

Получив тетрадь стихотворений для быстрого издания и соответственно выплаты денег, Лев за четыре месяца не удосужился переписать тексты для представления в цензуру. При этом охотно записывал стихи в альбомы приятельницам, а деньги, полученные для брата, в том числе и для уплаты его старых долгов, проматывал. Соболевский писал:

Наш приятель Пушкин Лёв
Не лишен рассудка,
Но с шампанским жирный плов
И с груздями утка
Нам докажут лучше слов,
Что он более здоров
Силою желудка.

Юрий Дружников

Пушкин:
через Ригу в Европу

Разболтал Лев приятелям и о планах брата бежать за границу, а те распространили весть среди своих знакомых. Остается удивляться, как в этой атмосфере Александр I принял аневризму — болезнь, выдуманную Пушкиным, — всерьез. По воспоминаниям друга Пушкина Нащокина, государь приказал сказать ему только, что от этой болезни можно вылечиться и в России.

Много людей узнало о тайных планах брата поэта. «Тут об тебе, Бог весть, какие слухи...» — пишет К.Ф.Рылеев Пушкину. Однако в связи со слухами небезынтересно оглядеть круг людей, которым намерения поэта были известны. Разделим их, несколько, впрочем, искусственно, на две группы: соучастники и посвященные. К соучастникам отнесем тех лиц, коих сам Пушкин втянул в свои замыслы выезда за границу. К просто посвященным — тех, кто проник в тайну. Одни, узнав, молчали, другие спешили сообщить знакомым. Соучастников было около двух десятков человек; посвященных — не меньше сотни, и это число увеличивалось. Пушкин прозрачно намекал в письмах как о том, что собирается бежать, так и о том, что вовсе не собирается, и это при том, что вся его почта перлюстрировалась.

В начале лета, когда обсуждался приезд доктора Мойера из Дерпта и Пушкин старался избежать операции во Пскове, среди соучастников появилась новая женщина — Анна Керн.

Хотя Пушкин встречался с Керн раньше, время романа падает на середину июня — середину июля 1825 года, когда Анна Петровна приезжала в Тригорское к своей тетке Осиповой. Оставленному на это время ею мужу-генералу было 60, ей 25, не так уж мало по тем временам.

«Он был так опрометчив
и самонадеян»

В записках, оставленных Керн, нет и намека на то, что она была в курсе его планов. Но дом в Тригорском жил обсуждением деталей пушкинского побега. Могла ли Керн остаться в неведении? Была ли она лишь посвя-

щенной или же соучастницей?

Позже Керн писала: «...нахожу, что он был так опрометчив и самонадеян, что, несмотря на всю его гениальность — всем светом признанную и неоспоримую, — он точно не всегда был благодарен, а иногда даже не умен...»

Над Пушкиным, обиженным на весь белый свет, тяготевшее разрешение отправиться для выдуманной им операции аневризмы в Псков, и он не знает, как из этой ситуации выкрутиться. Письмо его к Жуковскому полно сарказма: «Неожиданная милость Его Величества тронула меня несказанно, тем более, что здешний Губернатор предлагал уже иметь жительство в Пскове; но я строго придерживался повеления высшего начальства... Боюсь, чтоб медленность мою пользоваться Монаршею милостью не почли за небрежение или возмутительное упрямство. Но можно ли в человеческом сердце предполагать такую адскую неблагодарность? Дело в том, что 10 лет не думав о своем аневризме, не вижу причины вдруг о нем расхлопотаться».

Намерение Пушкина не ехать во Псков вызвало недоумение друзей в Петербурге. Он просил, они хлопотали, царь дал добро, и — такая неблагодарность. Сам не знает, чего хочет. Плетнев, который, скорей всего, от Льва Сергеевича услышал о замысле Пушкина бежать из России, утешает поэта, что не все потеряно. «Дело об отпуске твоём ещё не совсем решено», — объясняет Плетнев. — Очень вероятно, что при докладе (императору. — Ю.Д.) сделана ошибка. Позволено тебе не только съездить, но, если хочешь, и жить в Пскове. Из этого видно, что просьбу об отпуске для излечения болезни поняли и представили как предлог для некоторого рассеяния, в котором ты, вероятно, имеешь нужду». Плетнев тут же добавляет: «А то известно, что в Пскове операции сделать некому. И так, на этих днях будут передокладывать, что ты не для рассеяния хочешь выехать из Михайловского, но для операции действительной». Между тем, пятнадцать тысяч рублей (столе ему необходи-

мые в дорогу) на пути от Плетнева к Александру задержались у Льва.

Сам Пушкин считал, что исход был бы положительным, пусть друзья по инстанциям наверх его собственное прошение. «Зачем было заменять мое письмо, дельное и благодарное, письмом моей матери? — пишет он Дельвику. — Не полагаясь ли на чувствительность... (Тут многоточие — очевидно, поэт не решился назвать царя. — Ю.Д.) Ошибка важная! В первом случае я бы поступил прямодушно, во втором могли только подозревать мою хитрость и неуклончивость». Думается, однако, что результат был предопределен и ни автор прошения, ни его тон значения попросту не имели.

Те, кто ему пытался помочь, все еще не понимали суть дела. Игра была с высшим начальством. В письмах все вертится вокруг да около, за несколько месяцев Пушкин не передал им толкового объяснения, что реальная болезнь отсутствует. Даже в письме, отправленном Жуковскому с оказией (адрес на конверте: Н.А.Ж.), Пушкин продолжает не договаривать. Возможно, он их берег: будучи обманутыми, друзья в глазах властей не становились соучастниками подготовки его побега.

И для нас, тебя знающих, есть какая-то таинственность, несообразность в упорстве не ехать в Псков, — гадал Вяземский, — что же должно быть в уме тех, которые не времени, ни охоты не имеют ломать голову себе над разгадыванием твоих своенравных и сумасбродных логогифов. Они удовольствуются первой разгадкой, что ты — человек неугомонный, с которым ничто не берет, который из охоты идет наперекор власти, друзей, родных и которого вернее и спокойнее держать на привязи подальше». А Пушкин не без основания опасается, что ему предпишут жительство во Пскове, под постоянным надзором платных и добровольных агентов, и бежать будет еще трудней. Обман обнаружится, да обман са-

мого Его Величества и еще с такой преступной целью.

Климат в России плохой

Пушкин писал: «Друзья мои за меня хлопотали против воли моей и, кажется, только испортили мою участь». Но друзей ли то была вина, когда он толком не объяснил свою волю? В письме к сестре Ольге Пушкин подводит итоги своего поражения: «Прибавлю еще: здоровье мое требует перемены климата, об этом не сказали ни слова Его Величеству... О Господи, освободи меня от моих друзей!» Получив письмо, сестра целый день проплакала. Поэт несправедливо упрекает друзей, что не упомянули вредный для него климат: ведь он сам ничего об этом не писал и не просил. Он сообразил выдвинуть эту «климатическую» причину только теперь.

Жуковский продолжает действовать, и его настойчивая забота вызывает уважение. Он пишет Мойеру, прося его приехать во Псков прооперировать Пушкина, о чем по-деловому сообщает и в Михайловское: «Оператор готов». Надо только нанять во Пскове квартиру с горницей для доктора, где можно будет произвести операцию. Плетнев тоже сообщает в Михайловское о докторе: «Когда он услышал, что у тебя аневризм, то сказал: Я готов всем пожертвовать, чтобы спасти первого для России поэта. Это мне сказывала Воейкова, которая к нему о тебе писала...»

Добросовестный доктор Мойер немедленно идет к попечителю Дерптского учебного округа Карлу Ливену испросить разрешения на перерыв в занятиях со студентами для отъезда с целью операции. Получив разрешение, он пакует хирургические инструменты и готовится отправиться во Псков. Это недалеко, 179 километров, тогда дорога петляла и была несколько длиннее, но все равно день езды, самое большее полтора.

Пушкин строчит Мойеру письмо, умоляя ради Бога не приезжать и не беспокоиться. «Операция, требуемая аневризмом, слишком маловажна, чтобы отвлекать человека знаменитого от его занятий и местопребывания». Другим Пушкин будет отвечать, что у него нет денег на хирурга. Третьим — что он может прооперироваться на месте у любого врача. Четвертым — что он обойдется пока без операции вообще.

Дейнис (Калифорния)

Продолжение следует.

Пушкин

А.Д.

16.12.98

7